

А. М. ПАНЧЕНКО

Материалы по древнерусской поэзии. IV

(Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии
и веселии»)

Слой оппозиционных к официальной письменности памятников XVII в. принято обозначать термином «демократическая сатира».¹ Этим анонимным текстам, созданным в среде городского плебса, действительно свойственно сатирическое отношение к церкви и феодальным порядкам. В то же время для них характерна и автоирония: осмеивается не только объект, но и субъект повествования, ирония распространяется и на читателей, и на самого автора — смех направлен и на самих смеющихся. Взятые в совокупности, эти памятники составляют пародийный противовес официальной культуре с ее благочестивой «душеполезностью», образуют «мир навыворот», «смеховой антимира».²

Персонажи, населяющие смеховой антимира, живут по особым законам. У них свое богослужение, которое отправляется не в храме, а в кабаке, стихиры и каноны они слагают не святым, а пропойцам, звонят не в колокола, а в «малые чарки» и в «полведришки пивышка» («Служба кабаку»). У них свое представление о справедливости и судопроизводстве (герой «Повести о Ерше Ершовиче» побеждает не потому, что прав, а потому, что ловок и беззастенчив). У них свой монастырский устав («Калаязинская челобитная»), где пост и молитва заменены беспечальным бражничеством, обжорством и пьяным разудалым пением; кабак они превращают в церковь, а церковь — в кабак. Вот смеховая «выписка из крылоских книг», рисующая «службу навыворот»:

Батько, де, плакал,
А дьякон плакал,
А крылошанин пел
И кутью мало не съел,
Тихонько спял
И далеконько спрятал.
А пономарь, де, взял
И подале спехал.

¹ Честь открытия и исследования «демократической сатиры» принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, — см.: В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937; 2) Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текста, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»). Цитаты даются по изданию в «Литературных памятниках» (страницы указываются в тексте в скобках).

² См.: Д. С. Л и х а ч е в. Древнерусский смех. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. (Сборник статей в честь 75-летия М. М. Бахтина). Саранск, 1973, с. 73—90.

Доколе из риз разболокались,
А виноватя и разбежались.³

В этом мире даже календарь — особый, небывалый, смеховой: служба кабаку поется «месяца китовраса в нелепый день».

Утопический идеал смехового антимира не имеет ничего общего с царством Христовым на земле или на небесах. Это — мечта о небывалой стране, где всего вдоволь и все каждому доступно. Такой сказочный рай обжор и пьяниц описан в «Сказании о роскошном житии и веселии»: «Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двоинова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк, пришед, хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк, пришед, пей, да и на голову лей, коня своего мой, да и сам купайся, и ни хто не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно: всяк там пей и ежь в свою волку, и спи доволно, и прохладжайся любовно» (с. 41).

В европейской перспективе этот слой памятников представляет собою русскую версию смеховой культуры средневековья, Ренессанса и барокко, к которой принадлежат «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и «Симплициссимус» Гриммельсгаузена.⁴ В XVI—XVII вв. смеховая литература расцвела и у западных славян.⁵ Польша, ориентировавшаяся на немецкие образцы, пережила этот расцвет в первой половине XVII в.; но и позднее, вплоть до эпохи саксонской династии, сочинения «рыбалтов» и «совизджалов» не исчезали из литературного оборота. Смеховая культура оставила отчетливый след также в украинской письменности.

Именно «Сказание о роскошном житии и веселии» (как известно, оно сохранилось в единственном списке) доказывает, что между европейской и русской традицией существовали прямые соединительные звенья. «А прямая дорога до тово веселья, — говорится в „Сказании“, — от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколно и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигирин и в Кафимской» (с. 42). Путь-небылица петляет по Малой и Великой Польше, по Швеции и Лифляндии, по многим украинским городам, по Литве и т. д., но не заходит в Великую Россию. Этот маршрут, а также некоторые полонизмы в языке памятника вызвали следующее предположение В. П. Адриановой-Перетц: «Возможно, что за этим „Сказанием“ стоял какой-то польский оригинал, до сих пор не установленный исследователями. . . Судя по перечню украинских городов. . ., это сказание сложилось где-то на юго-западе, но прошло через руки переписчика-

³ Н. С. Демкова. Незданное сатирическое произведение о духовенстве. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 95 (в публикации Н. С. Демковой заглавие передано как «Выписка из кроловских книг»; мы восстанавливаем первоначальное чтение, основываясь на показаниях списка ГПБ, Соловецкое собр., № 748/1113, л. 3 об., конец XVII в.; список указан О. А. Белобровой).

⁴ См.: М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

⁵ Богемисты и полонисты (в особенности польские филологи) интенсивно занимались этой тематикой. Библиографию см., например, в следующих работах: Fratové a grobiáni. Z mravokárných satír 16. věku v Čechách. K vydání připravil a úvod napsal Jaroslav Kolár. Praha, 1959; Jaroslav K o l á r. Rozmlouvánan é Šalomouna s Markoltem a lidová smíchová kultura v českých zemích. — Česká literatura, Praha, č. 2, 1974, s. 122—135; Stanisław G r z e s z c z u k. Błażeńskie zwierciadło. Kraków, 1970; Czesław H e r n a s. Barok. Warszawa, 1973.

великоросса».⁶ Допущение В. П. Адриановой-Перетц вполне резонно. Обратим внимание на то, что шутовской путь «до того веселья» начинается в Кракове. Именно Малая Польша и ее столица Краков — средоточие польской смеховой литературы. Здесь она сочинялась, здесь и печаталась. Ее укрывавшиеся под шутовскими псевдонимами авторы вербовались из рядов интеллигентного пролетариата — из бродячих школяров и бакалавров, канторов и певчих, учителей приходских школ. Разумеется, поиски гипотетического оригинала «Сказания о роскошном житии и веселии» могут и не увенчаться успехом: «Сказание» насыщено русскими бытовыми реалиями, что свидетельствует о коренной переделке источника. Однако польские и украинские аналоги «Сказания» существуют.

Они написаны и прозой, и стихом. Из прозаических текстов этого рода больше всего известны «Peregrynacja Maćkowa» (1612 г.) и «Sakwy» (около 1650 г.). В первом вожделенная страна обжор и пьяниц не имеет точной географической локализации — это баснословный Край Jęzmienny (нем. Schlaraffenland); во втором — эта страна помещается в Новом Свете. «Там каждый день ведро, весело, чудесно, никаких забот, работать не надо — одежда, еда и питье всегда готовы». Но, чтобы туда добраться, «нужно двадцать дней карабкаться по перинам, как по облакам».⁷

Из стихотворных произведений для нашей темы наиболее интересна интермедия «Darmostrawski, Kurołarski». Ее герой Darmostrawski так описывает сказочную землю:

Tam wół pieczony chodzi mając w sobie noże,
scomoć się jeść zachciało, kraj sobie, nieboże.
Na kamienicach dachy kryte kończami,
a płoty miasto chrustu grozdą kiełbasami.
Co to u nas na dębach rodzą się żołędzie,
to tam migdałów pełno pod dębami wszędzie.
Ale ktoż to tam pomni, co się tam widziało,
Kiedy bym miał wyliczać, czasu by nie stało.⁸

Darmostrawski (это имя по-русски можно приблизительно передать как Дармодед) является зрителю в рубище. Контраст между убожеством нищего бродяги и его рассказом о той стране, где он только что побывал, и создает смеховую ситуацию. Этот зрелищный контраст играет роль текстового эквивалента: он заменяет словесную компрометацию, которая обычно оформляется в шутовском маршруте. Однако в иных случаях используются оба способа компрометации — словесный и зрелищный.

Такое сочетание находим в украинских «вѣршах нищенских», опубликованных В. П. Перетцом по рукописи библиотеки Народного Дома во Львове, № 164, середины XVIII в.⁹ Весь цикл состоит из 7 стихотворений, написанных от первого лица. Здесь дважды использован интересующий нас мотив. Второе стихотворение цикла называет вожделенную страну «Чутьманскими краями» — это, по-видимому, искаженная передача польского выражения Край Jęzmienny:

⁶ Русская демократическая сатира XVII века, с. 241.

⁷ Polska satyra mieszczańska, wyd. K. Badeski. Kraków, 1950, s. 340—341.

⁸ Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII wieku, t. 2. Opracowali K. Budzyk, H. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954, s. 401—402. Перевод: «Там ходит жареный бык, утыканный ножами; Если захотелось есть — отрезай кусок, бедняга. Там дома покрыты калачами, А плетни заплетают не хворостом, — колбасами. У нас на дубах рождаются желудди, А там всюду под дубами полно миндаля. И кто упомянет все, что там видел! Коли обо всем рассказывать, — никакого времени не хватит».

⁹ В. Н. П е р е т ц. К истории польского и русского народного театра. XV—XX. СПб., 1912, с. 124—136 (отд. оттиск — ИОРЯС, т. XVI. СПб., 1911).

От юж и я з далекой земли привандровал,
 сто мьль есми з Чучьманских краев мишуровав
 И видѣлемь там барзо великие дива —
 скажу вамъ всѣмь, если хто купить мивѣ пива.
 Там гори масляние книшами поросли,
 двѣ стоять високие, до купи ся зросли.
 На тих горах двѣ бабѣ, що пероги плещуть,
 два заяцѣ лапами усе у пѣчь мещуть.

Четвертое стихотворение несколько ближе к «Сказанию о роскошном житии и веселии»:

А звѣади там як дивѣ всуди ся валяют,
 свинѣ в золотих коритах мигдали ѣдают,
 рѣка горѣльчаная через рынок течет,
 пий там кождий хоч гарцем, нѣкто слова не речет.
 А воробцѣ у срѣбних там панчохах ходят,
 и ковбаси живии по вербах ся родят.
 Свинѣ в лѣтѣ и зимѣ в дубах ся поросят,
 пчолы меду по чверцѣ в кождий день приносят.

Здесь дан и смеховой маршрут в «землю Чучьманскую»: «З Янова до Крилова, С Крилова до Зборова, [З] Зборова до Яворова, З Яворова до Бузанова, З Бузанова до Кремьянця, С Кремьянця до Камьянця, З Камьянця до Лвова, З Лвова до Кракова, З Кракова до Очакова, З Очакова до Пиотркова, З Пиотркова до Чигирина, З Чигирина до Оринина, З Оринина до Карапчѣва, С Карапчѣва до Олѣва, З Олѣва до Кудринець, А с Кудринець до Фдековець, С Фдековець до Ожеговець, на отжени, Бо там чверть за шелюг свѣжини, З Ожеговець до Городка, Аж там рѣпа солодка, З Городка до Бучача, Аж там по шелюгу кляча. З Бучача идѣть просто в землю Чучьманскую, а будете там мѣти повагу панскую». Любопытно, что словесная компрометация мотива здесь усилена за счет описания обратного пути из «Чучьманского» края на нашу грешную землю. Оказывается, что эта дорога очень трудна — герой пробирался лесами, тонул в болотах, едва избежал встречи с разбойниками. В конце концов он попал в Новый Свет («. . . а прилетѣлем до вас от тут на свѣт новий»)! Новым Светом, как мы помним, назывался в «Sakwach» именно сказочный рай. В украинском стихотворении Новый Свет — реальный мир. На первый взгляд, это находится в противоречии со смеховой идеологией, ибо персонажи смеховой литературы горько разочаровались в реальной жизни и ничего от нее не ждут. Однако противоречие снимается, если мы обратим внимание на жанр опубликованных В. Н. Перетцом стихотворений.

Все тексты цикла — колядки, певаемые на святках. Их исполняли бродячие школяры: «Павперове школы брацькое ведлуг звичаю жебруючи собе поживенья и штуки хлѣба, ходили спиваючи в домах розных». ¹⁰ Если нищенствовали учащиеся, то не далеко от них ушли и учащие — «бакаляры» и «дяки». Жизнь их была незавидной, но на святках они могли рассчитывать на хорошую поживу. На святках и этот мир выглядел как «Новый Свет». Жанром стихотворений предусмотрена и зрелищная компрометация: колядки исполнялись публично, так что каждый мог хорошенько разглядеть школяра.

Человек, который ради куска хлеба рисует картины раблезианского изобилия, — это изгой, неудачник, обиженный жизнью, извергнутый из мира сытых. Он и не пытается туда проникнуть, но мстит этому миру смехом, становится в позу шута, как автор «Сказания о роскошном житии и веселии».

¹⁰ Там же, с. 122.

Основной парадокс шутовской философии гласит, что мир сплошь населен дураками, и среди них самый большой дурак тот, кто не догадывается, что он дурак. Отсюда вытекает, что в мире дураков единственный неподдельный мудрец — это шут, который валяет дурака, притворяется дураком. Поэтому осмеяние мира — своеобразное мировоззрение (а не только художественный прием), выросшее из противопоставления собственного горького опыта «душеполезной» официальной культуре. Между христианскими заповедями и жизненной суетой существует непреодолимый, вечный разлад, в мире царствует не порядок, но абсурд. Признавая реальную действительность абсурдной, смеховая литература строит действительность художественную по законам абсурда.¹¹

В XVII в. русское простонародье обнищало до такой степени, что реальность стала походить на смеховой антимир. Он уже не мог восприниматься лишь эстетически, как художественный «мир навыворот». ¹² Власти буквально загоняли народ в кабаки: «Питухов бы с кружечных дворов не отгонять. . . , искать перед прежним прибыли», — наказывала царская грамота 1659 г.¹³ Обыденная житейская практика слилась с традиционными смеховыми ситуациями. Кабак становился домом, шутовская нагота — наготой реальной. «Хто пьян, тот всяк сказывается богат велми, а как проспится, ино перекусить нечево», — писал автор «Службы кабаку» (с. 57). Только во хмелю бедняк мог вообразить себя богачом. «Безместно житие возлюбихом. . . , — пели питухи. — Наг объявляшеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол. Когда сором, ты закройся перстом. Слава тебе, господи, — было да сплыло, не о чем думати, лише спи, не стой, одно лише оборону от клопов держи, а то жити весело, а ести нечего» (с. 50). Нелепый, изначальный мир вторгался в жизнь. Отсюда — трезвое и трагическое чувство безнадежности, которое прорывается сквозь пьяный смех.

Смеховая литература не изобретает новых жанров, — она пародирует готовые конструкции, апробированные в фольклоре и в письменности, выворачивая их наизнанку. Чтобы воспринять пародию, чтобы оценить ее по достоинству, читателю и слушателю необходимо хорошо знать пародируемый текст. Поэтому в качестве образца берутся самые обиходные жанры, с которыми древнерусский человек сталкивался изо дня в день, — судное дело, челобитная, роспись приданому, эпистолия, церковная служба. Что пародирует «Сказание о роскошном житии и веселии»? «Сказание» — это антиутопия; следовательно, здесь пародируется жанр утопии.

В XVI—XVII вв. этот жанр культивировали такие европейские мыслители, как Кампанелла и Томас Мор (от последнего и пошло название жанра). Но в эпоху Ренессанса не умерла и средневековая гератологическая этнология, заселявшая «край света» чудовищами и песьеглавцами.¹⁴ Колумб, наблюдая дельфинов, видел в них сирен и с сокрушением отметил в дневнике, что они не так прекрасны, как их изображают. Соединение гератологической этнологии и возвышенных умозрений о совершенном обществе стало питательной почвой для легенд о вполне реальных «счастливых» островах и землях. У Томаса Мора об острове Утопия рассказывает старый моряк, участник экспедиций Америки Веспуччи. Тотчас же нашлись люди, которые серьезно собрались плыть на Утопию. Несколько столетий искали легендарный остров св. Брандена.

¹¹ Stanisław Gerzeszczuk. Błażeńskie zwierciadło, s. 142.

¹² См.: Д. С. Лихачев. Древнерусский смех, с. 90.

¹³ И. Прыжов. История кабаков в России. СПб., 1868, с. 69—71.

¹⁴ См.: В. Olszewicz. Legendy geograficzne średniowiecza. Kraków, 1927; Czesław Hernas. W kalinowym lesie, t. I. Warszawa, 1965, s. 7—71.

Русская литература XVI—XVII вв. не создала и не усвоила утопий ренессансного и барочного типа, хотя их отзвуки и слышны в публицистике Ивана Пересветова и Федора Карпова. Вплоть до Петровской поры читатель продолжал пользоваться сохранявшимися в книжном обороте средневековыми сказаниями о земном рае, о царстве пресвитера Иоанна, а рахманах-гимнософистах. В. П. Адрианова-Перетц справедливо заметила, что «Сказание о роскошном житии и веселии», в котором «все чрезвычайно конкретно», «ни в малой мере не напоминает традиционные представления древнерусской литературы о рае». ¹⁵ Может быть, «Сказание», которое как-никак нельзя считать оригинальным памятником, на русской почве «потеряло» пародиремый объект?

Нет, это не так. Если русская литература XVII в. не знала жанра утопии, то его знала русская устная культура, и дело здесь не в фольклорном царстве с молочными реками и кисельными берегами. В XVII в. ходило много слухов о далеких привольных странах — о Мангазее, «серебряных и золотых островах», Даурии, о богатом острове на «Восточном океане». Там «хлеб, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут и прядут со всего с обычая с русского», там много земли непаханой и никто не берет податей. ¹⁶ Вера в эти легенды была столь сильна, что во второй половине XVII в. сотни и тысячи бедняков, целые сибирские села и остроги снимались с мест и бежали неведомо куда. Побег приняли такие размеры, что правительство не на шутку встревожилось: за Уралом особые заставы перенимали беглецов, а сибирские воеводы заставляли поверстанных в казаки гулящих людей целовать крест на том, что им «в Даурскую землю не съезжать и без отпуску не сойти».

В этом контексте «Сказание о роскошном житии и веселии» как бы обретает свойства пародии. Оно разрушает веру в царство с молочными реками и кисельными берегами. Нарочито серьезное описание сказочного изобилия доводится в нем до абсурда, а потом переходит в план небылицы: «А там берут пошлины небольшие, за мыты, за мосты и за перевоз — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям» (с. 42). Это то самое богатство, которое чудилось во хмелю кабацким голям. В образе смехового богатства представлена реальная и безысходная бедность, «нагота да босота».

¹⁵ Русская демократическая сатира XVII века, с. 240.

¹⁶ См.: К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 290—294.